

Русскіе у береговъ Эпира.

(115 лѣтъ тому назадъ).

По неизданнымъ мемуарамъ.

Въ отдѣлѣ рукописей Императорской Публичной Библиотеки хранятся неизданныя „Записки флота капитанъ-лейтенанта Егора Метаксы“, греческаго уроженца, офицера русской службы, участника похода въ Средиземное море черноморскаго флота въ 1798—1800 г.г. подъ начальствомъ знаменитаго адмирала *Θ. Θ. Ушакова*, назначеннаго главнокомандующимъ соединенныхъ русской и турецкой эскадръ, для освобожденія отъ ига французовъ покоренныхъ ими народовъ на побережьяхъ Италія и Адриатическаго моря и на Ионическихъ островахъ, расположенныхъ вдоль береговъ Эпира.

Экспедиція эта, исключительная по политической конъюнктурѣ, когда русскому адмиралу привелось командовать соединенными флотами Россіи и Турціи и вести ихъ, въ первую очередь, на освобожденіе отъ иноземнаго ига православныхъ народовъ, населявшихъ Ионическіе острова, и проведенная Ушаковымъ съ блестящимъ успѣхомъ, доставила ему и русскому отряду много тяжелыхъ испытаній.

Снабженіе нашей эскадры провизіей и экспедиціи десантными войсками, по состоявшемуся соглашенію, относилось къ обязанности прибрежныхъ турецкихъ пашей Морей и Эпира. Въ послѣднемъ, въ городѣ Янинѣ, властвовалъ могущественный намѣстникъ Эпира, Али-Паша Янинскій, гремѣвшій своими подвигами въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка ¹⁾

¹⁾ Популярность личности Али-Паши была такъ велика, что однимъ нѣмецкимъ композиторомъ въ 1824 году была написана опера „Али-Паша изъ Янины“. В. И.

и возбуждавшій самые разнообразныя толки. Съ нимъ пришлось имѣть дѣло русскому главнокомандующему, требовать отъ него вспомогательныхъ десантныхъ войскъ и попутно защищать отъ него христіанское населеніе побережья.

Автору записокъ пришлось два раза, въ концѣ октября 1798 года и въ концѣ января 1799 года, ѣздить къ Али-Пашѣ, по порученію адмирала Ушакова, для личныхъ переговоровъ, и онъ оставилъ намъ подробную характеристику Эпирскаго владыки и живое описаніе своихъ переговоровъ съ нимъ.

Али-Паша, по разсказу Метаксы, происходилъ изъ гор. Тепеленгіи, близъ Янины, и былъ однимъ изъ сыновей бывшаго перваго аги Тепеленгіи. Отецъ его Вели потерялъ свое состояніе въ безпрестанныхъ ссорахъ съ сосѣдями, и когда Али, послѣ долгихъ скитаній за поисками разныхъ приключеній, возвратился въ отечество, мать его, желая сохранить Али всѣ остатки состоянія своего мужа, умертвила другихъ сыновей своихъ, и Али вступилъ одинъ въ наслѣдство отца. Въ теченіе 30 лѣтъ Али-Паша успѣлъ сдѣлаться властителемъ всего Эпира, Фессалии и большей части Албаніи и Македоніи. Сама Порта Оттоманская видѣла въ немъ скорѣе мощнаго и опаснаго сосѣда, нежели данника и подвластнаго ей намѣстника.

Природа одарила Али-Пашу высокимъ умомъ и необыкновенною энергіей, но они направлены были на измышленіе самыхъ преступныхъ средствъ для достиженія власти и богатства. Онъ захватываетъ въ свои руки сосѣднихъ пашей, умерщвляетъ ихъ иногда собственноручно, а управляемую ими область присоединяетъ къ своей. Самые ближайшіе родственники не избѣгаютъ этой участи. Не успѣвъ уговорить сестру свою Хайницу отравить мужа ея, Али-Паша поднялъ противъ зятя родного его брата, которому отдалъ въ награду братское состояніе и руку сестры. Завидуя родному племяннику Эмасу-Бею, назначенному управлять Фессалиею, онъ отравилъ его посредствомъ драгоцѣнной собольей шубы, посланной въ подарокъ черезъ Хайницу, его мать. Пользуясь ненавистью между греками и турками, Али-Паша всегда противъ христіанскаго селенія посылалъ магометанъ, а на послѣднихъ послалъ свои греческія вспомогательныя войска. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, Али во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ достигалъ успѣха, и одно имя его наводило трепетъ на всѣхъ его непріятелей. Онъ сыпалъ щедро деньгами при султанскомъ дворѣ, гдѣ подкупленные имъ сторонники представляли его грабежи и убійства подъ видомъ преданности султану. Часто, вмѣсто

строгаго взысканія и наказанія, Али-Паша былъ награждаемъ и жалованъ почестями, какъ усмиритель непокорныхъ Портъ воеводъ.

Пользуясь несчастными войнами Турціи съ Россіей, Франціей, сербами и др. подчиненными ей народностями и бунтующими пашами, Али, выставляя вспомогательное войско, часть его съ притворствомъ и осторожностью употреблялъ противъ враговъ Порты, а остальное къ распространенію своихъ границъ. Ему долгое время удавалось обманывать султанское правительство, пока наконецъ, чувствуя себя довольно сильнымъ, Али-Паша сталъ явно отказываться отъ исполненія фирмановъ султана. Опасаясь возрастающаго могущества албанскаго паши и желая присвоить себѣ несмѣтныя его богатства, Порта нѣсколько разъ подсылала явныхъ и тайныхъ убійцъ, но неутомимая бдительность Али-Паши и сила его червонцевъ дѣлали всѣ покушенія тщетными. Палачи, являшіеся въ одеждѣ придворныхъ чиновниковъ и имѣвшіе повелѣніе отрубить пашѣ голову лишались обыкновенно своей, какъ скоро вступали только въ его владѣнія. Объ отправленіи къ нему палачей Али-Пашу всегда заблаговременно извѣщали сами турецкіе министры, сдѣлавшіеся совершенно его наемными слугами при султанскомъ дворѣ.

Порта, видя всѣ попытки отдѣлаться отъ опаснаго паши тщетными и опасаясь, что Али объявитъ себя независимымъ владѣтелемъ, прибѣгла къ обратнымъ мѣрамъ. Султанъ старался разными милостями привлечь къ себѣ албанскаго пашу. Дѣти Али, Мухтаръ и Вели, были возведены въ первыя пашинскія достоинства: первый, со званіемъ Беглеръ-Бея, получилъ въ управленіе Берать, а младшій Вели—Пелопонесскій полуостровъ.

Али-Паша управлялъ подвластными ему провинціями гораздо самодержавнѣе, чѣмъ турецкій султанъ своею имперією. Одна воля его была законъ, и выше ея ничего не было. Горе было тому, кто не только поступками, но малѣйшимъ ропотомъ осмѣливался возбудить гнѣвъ его. Мщеніе раздраженнаго Али-Паши постигало несчастнаго немедленно, оно переносилось на цѣлое его семейство, а нерѣдко и на все селеніе, откуда тотъ происходилъ. Онъ истребилъ въ самое Свѣтлое Христово Воскресеніе 6.000 христіанъ, исполняя завѣщаніе своей матери, бывшей у нихъ когда-то въ неволѣ. Онъ казнилъ побочнаго своего брата и все семейство его за то, что тотъ смѣлъ негодовать на звѣрскіе поступки Али противъ нѣкоторыхъ богатыхъ эпиротовъ, которыхъ Али умертвилъ для присвоенія себѣ имущества ихъ.

Главное занятіе Али-Паши въ мирное время состояло въ обученіи войскъ и въ постепенномъ приращеніи своихъ сокровищъ. Обширныя его помѣстья, большею частью отнятыя у сосѣдей, онъ отдавалъ на откупъ. Это приносило ему громадныя доходы. Точно также большой доходъ приносили въ его казну неисчислимыя гурты скота, таможни, поголовныя подати, исключительное его право на продажу скота, шерсти, строевого лѣса и пр.

Дубовыя лѣса по Албанскому побережью были превосходнѣйшими въ Средиземномъ морѣ. Изъ нихъ строились всѣ почти Венеціанскіе корабли, и Тулонъ до революціи пользовался предпочтительно эфирскими лѣсами. Французское правительство содержало для закупки лѣсовъ контору въ гор. Превезѣ. Во время экспедиціи адмирала Ушакова въ Средиземное море въ 1798—1800 гг. лѣсъ для починки судовъ покупался также въ Воницѣ на Албанскомъ берегу. Али-Паша присвоилъ себѣ всѣ лѣса безъ изъятія.

Онъ завелъ себѣ многочисленный торговый флотъ, грузилъ его въ турецкихъ портахъ всякими товарами и доставлялъ ихъ въ Италію, а особенно въ Триестъ. Обрато привозилось все необходимое для мѣстнаго населенія, какъ-то: сукна, шелковыя матеріи, бархатъ, фески и т. п. Али-Паша продавалъ товары своимъ же купцамъ оптомъ изъ 20⁰/₀ барыша и съ возмѣщеніемъ ему путевыхъ расходовъ. Во всѣхъ торговыхъ оборотахъ, производимыхъ его подданными, обращались капиталы паши.

Онъ считался всеобщимъ наслѣдникомъ своихъ подданныхъ. Имѣнія всѣхъ тѣхъ, кто умиралъ безъ дѣтей мужескаго пола, по заведенному имъ порядку отходили къ нему. Наслѣдованіе отдаленными родственниками не допускалось: ихъ замѣнялъ Али-Паша. Вдовы лишались состоянія и дома своего мужа, если не имѣли сыновей и т. д. Онъ готовъ былъ на какія угодно сдѣлки: кто не могъ получить уплаты долго, дарилъ за бездѣлицу свое право Али, и онъ очень скоро производилъ въ этихъ случаяхъ взысканіе. При сомнительныхъ тяжбахъ право иска уступалось также ему, и дѣло тотчасъ же получало оборотъ, благопріятный для истца.

Всякій имѣлъ къ нему свободный доступъ, но никто не смѣлъ являться безъ денегъ или подарка. На рынкахъ и въ лавкахъ онъ бралъ все, что ему нужно, безъ платы. Онъ заставлялъ купцовъ брать у него въ займы по необычнымъ процентамъ. Будучи самъ наемщикомъ, подрядчикомъ, казен-

нымъ сборщикомъ, откупщикомъ, таможеннымъ начальникомъ и монополистомъ, Али-Паша пополнялъ сундуки свои за счетъ всей государственной промышленности. Онъ не гнушался даже участвовать въ малѣйшихъ барышахъ своихъ управляющихъ, секретарей, сторожей, тюремщиковъ и даже палачей.

Порта облекла его званіемъ главнаго начальника надъ большими дорогами, и онъ сейчасъ же присвоилъ себѣ право налагать на богатяя селенія денежные штрафы, въ видѣ наказанія за укрываніе будто бы воровъ и непріятелей султана. Доходы его достигали до 20 милліоновъ піастровъ; изъ нихъ онъ платилъ Портѣ незначительную часть поголовнаго сбора.

Несмѣтность его богатствъ выяснилась во время бывшаго въ Тепеленгін въ 1818 году пожара. Въ этомъ родномъ городѣ Али построилъ крѣпость, обведенную водянымъ рвомъ, и хранилъ въ ней казну и всѣ свои сокровища. Въ случаѣ какого-либо несчастнаго для себя переворота Али предполагалъ укрыться въ крѣпости, чтобы найти въ ней свое спасеніе или могилу. Пожаръ обратилъ въ пепель дворецъ Али со всѣми драгоценностями, но ему удалось спасти и вывезти въ Янину на 150 милліоновъ одной золотой монеты, бывшей въ подвалахъ дворца. Извѣстіе объ этомъ усилило противъ Али злобу султана и зависть его министровъ: они могли прощать албанскому пашѣ дерзость его и непослушаніе, но такое богатство его выводило ихъ изъ себя. Съ прискорбіемъ думали они, что онъ гораздо дороже могъ бы платить Портѣ за право грабить сосѣдей своихъ, не давая отчета.

Али-Паша могъ выставить и содержать до 40 тысячъ пѣхоты и до 10 тысячъ Эссалійской конницы, имѣлъ достаточную и исправную артиллерію. Наемные французы завели ему литейный и пороховой заводы въ Тепеленгін. Въ мирное время Али-Паша содержалъ не болѣе 10 тысячъ пѣхоты и 3.000 конницы. Албанцы были его любимымъ войскомъ; туркамъ онъ не довѣрялъ; вооруженныхъ грековъ опасался, хотя большая часть дѣлъ его находилась въ рукахъ послѣднихъ. Онъ умѣло пользовался нѣжной любовью, какую греки питаютъ къ своимъ семействамъ, и оставлялъ ихъ въ залогъ всякій разъ, когда отцы семейства должны были отлучаться по дѣламъ изъ пашинскихъ владѣній.

Внутренняя и внѣшняя охрана его владѣній была обезпечена, благодаря необыкновенной его памяти и неусыпной дѣятельности. Лицо, которое онъ видѣлъ хотя разъ, навсегда оставалось въ его памяти. Онъ зналъ лично всѣхъ тѣхъ изъ

своихъ подданныхъ, кто въ кругу своихъ или въ народѣ, имѣеть малѣйшее вліяніе. До свѣдѣнія его доводили ежедневно все, что происходило въ кофейняхъ, всѣ семейные разговоры въ городскихъ и даже въ деревенскихъ домахъ; однимъ словомъ, не было бездѣлицы, которая бы до него не доходила. Эти точныя свѣдѣнія, собираемыя изъ разныхъ мѣстъ, давали ему средства къ скорѣйшему отысканію воровъ, бѣглецовъ и всякаго рода преступниковъ. Онъ имѣлъ особенный даръ использовать ко всякому дѣлу способнѣйшихъ къ тому людей. Женщины, купцы, нищіе, монахи, имамы, дервиши, даже дѣти весьма успѣшно исполняли у него должности полицейскихъ служителей.

Всѣ Янинскіе почетные граждане, именитые купцы, ведущіе переписку съ своими родственниками или по торговымъ дѣламъ съ Константинополемъ, Россіей, Италіей и др. государствами, до такой степени страшились впасть въ подозрѣніе у грознаго своего повелителя (а особенно въ военное время), что всѣ письма свои представляли добровольно на его просмотръ, а потомъ уже отправляли по назначенію.

Али-Паша имѣлъ на жалованьѣ переводчиковъ, переводившихъ ему эти письма, равно какъ и всѣ газеты, издававшіяся въ Европейскихъ столицахъ. Они вели переписку на иностранныхъ языкахъ. Самъ Али не умѣлъ читать ни на одномъ изъ нихъ. Талисманомъ, который онъ всегда носилъ на пальцѣ въ перстнѣ, скрѣплялись всѣ его письма; всякая бумага, не имѣющая этой печати, была недѣйствительна.

Въ Константинополѣ Али-Паша содержалъ нѣсколько вѣдывыхъ, приставленныхъ къ разнымъ министрамъ и другимъ особамъ, имѣющимъ вліяніе при дворѣ султана. Они доставляли ему немедленно всѣ свѣдѣнія, новости и происходившія въ столицѣ перемѣны. Али-Паша, по этимъ извѣстіямъ, сообразовалъ свои дѣйствія. Онъ иногда оказывался болѣе свѣдущъ въ дѣлахъ турецкаго кабинета, нежели самъ султанъ.

Авторъ записокъ подробно изображаетъ, какое положеніе занялъ Али-Паша, когда на побережьяхъ Адриатическаго моря съ 1794 года явились новые завоеватели—французы. Али-Паша остался вѣренъ себѣ.

„Политика его, по словамъ Метаксы, самая хитрая, но непостоянная. Не ставя ни во что свои обѣщанія, онъ и чужимъ не вѣритъ, друзей и союзниковъ мѣняетъ онъ безпрестанно; не дорожа ихъ пріязнію, онъ не страшится также и мщенія ихъ. Али-Паша плаваетъ по вѣтру и по теченію, придержи-

ваясь сильнаго и потворствуя торжествующей державѣ: онъ былъ преданнѣйшимъ слугою Бонапарта, покуда счастье ему благопріятствовало. Сии два деспота вели частую переписку между собою, т. е. другъ друга обманывали. Наполеонъ обнадеживалъ Али, что сдѣлаетъ его независимымъ королемъ, и что къ нынѣшнимъ его владѣніямъ присоединитъ еще Іоническіе острова и Морею, а Али-Паша съ своей стороны обязывался имѣть 100.000 отборнаго войска и, по первому востребованію французскаго императора, двинуться съ онымъ на Турцію, Австрію или Россію; но хитрый турокъ проникъ коварнаго корсиканца и сдѣлался скрытымъ его врагомъ съ тѣхъ поръ, какъ французы, занимавшіе Корфу и прочіе Іоническіе острова, стали ему всячески препятствовать завладѣть Паргою¹⁾. Мѣра сія можетъ быть причтена къ одному изъ лучшихъ дѣяній въ политической жизни Бонапарта, поелику намѣреніе Али-Паши было основать въ Паргѣ (укрѣпленной природою какъ съ сухого пути, такъ и съ моря) новый Алжиръ. Уже флотилія его, въ Превезѣ и Буцинтрѣ собравшаяся, ожидала токмо опытныхъ кормчихъ съ Варварійскихъ береговъ, для начатія разбойническихъ своихъ дѣйствій. Всѣ беи и владѣтели африканскіе были въ тайномъ союзѣ съ Али-Пашею. Цѣль его была истребить торговлю всѣхъ народовъ, учредя въ Адриатическомъ морѣ новую колонію африканскихъ морскихъ разбойниковъ; но Наполеонъ во-время воспрепятствовалъ сему предпріятію Али-Паши, не изъ чловѣколюбія, но изъ собственныхъ своихъ выгодъ, ибо Италія и Далмація были ему уже подвластны, а Грецію полагалъ онъ въ скорости присоединить ко всемірной своей имперіи“.

„Али-Паша страшится могущества Россіи и вліянія оной надъ ея единовѣрцами. Нѣтъ сомнѣнія, что участь грековъ, ему подвластныхъ, была бы еще горестнѣйшею, ежели бы онъ не боялся найти когда-нибудь въ русскихъ защитниковъ или мстителей. Всякій разъ, что храброе воинство Россійское торжествуетъ блистательными побѣдами надъ турецкими войсками, Али-Паша старается пріобрѣсть пріязнь и благоволеніе грековъ. Монахи греческіе составляютъ тогда любимую его бесѣду, онъ позволяетъ имъ исправлять пришедшіе въ ветхость церкви и монастыри²⁾ и способствуетъ даже къ тому щедрыми денеж-

¹⁾ Городъ на Албанскомъ побережьи, принадлежавшій Венеціанской республикѣ. В. И.

²⁾ Во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ строгаише запрещено православнымъ возобновлять и исправлять церкви, безъ особеннаго дозволенія отъ

ными вспоможеніями; нерѣдко присутствуетъ онъ при святомъ крещеніи младенцевъ и именуетъ ихъ пріемными своими дѣтьми. Однимъ словомъ, онъ старается дать нѣкоторое вѣроятіе слухамъ, имъ же распускаемымъ, что онъ втайнѣ христіанинъ. Ежели бы Россійская армія дошла до стѣнъ Византіи, нѣтъ сомнѣнія, что Али-Паша принялъ бы христіанскую вѣру, лишь бы могъ симъ отреченіемъ исповѣданія своего удержать при себѣ владѣнія свои и награбленныя сокровища. Золото, сила и вѣроломство суть кумиры, коимъ онъ поклоняется; другихъ боговъ онъ не знаетъ и не признаетъ“.

„Австрію старается Али-Паша усыпить, предлагая ей свои услуги для пріобрѣтенія Сербіи, Босніи и Герцоговины. Впрочемъ, держава сія мало обращаетъ на себя вниманіе его, ибо онъ увѣренъ, что она одна, безъ содѣйствія или согласія Россіи, не можетъ ни потрясти существованіе Порты, ни быть виновницею великихъ преобразованій на Востокѣ“.

„На англичанъ, новыхъ своихъ сосѣдей ¹⁾, смотритъ онъ съ негодованіемъ. Они, слѣдуя врожденному побужденію истреблять при самомъ началѣ всякую возникающую морскую силу, отняли у него всѣ средства и надежду имѣть на морѣ даже лодку вооруженную. Онъ, однако же, скрываетъ свою ненависть подъ личиною притворной пріязни. Во все время пребыванія французовъ въ Египтѣ, онъ помогалъ симъ подъ рукою въ ущербъ англичанамъ и султану“.

Несмотря на достигнутый, благодаря своему богатству, виѣшній лоскъ Али-Паша, по описанію Метаксы, лично познакомившагося съ обиходомъ дворца эпирскаго владыки, сохранилъ черты дикаго албанца въ своей домашней жизни.

„Посѣщающимъ его иностраннымъ путешественникамъ старается Али показать развязность, вкусъ и просвѣщенное образованіе европейскаго вельможи, но самъ сего не можетъ онъ долго выдержать, не обнаружива своего невѣжества. Онъ думаетъ привести въ невѣжество своими войсками, сокровищами и награбленными рѣдкостями, но все сіе затмевается беспорядкомъ, неразборчивостью и дурнымъ вкусомъ, встрѣчающимся повсю-

мѣстнаго начальника, подобныя же позволенія покупаются всегда греками большими денежными пожертвованіями. (Примѣчаніе автора записокъ М.).

¹⁾ Англичанами была отпращена эскадра въ Средиземное море, для перерыва сообщенія Франціи съ Египтомъ, куда переправился съ своимъ войскомъ Бонапартъ. Они заняли островъ Мальту и оказались сосѣдями Али-Паши.

В. И.

ду. Внутренность его дворца представляет также безобразныя противоположности. Приемныя комнаты блистают позолотою, драгоценными оружіями, софами, покрытыми лѳонскою парчею; серебряныя сосуды стоятъ на мраморныхъ подножіяхъ, но тутъ же на нечистомъ полу видны изломанныя деревянныя скамейки, мѣшки съ товарами, часто вонючими, разбитыя банки и проч. Самъ онъ одѣтъ бываетъ великолѣпно: въ курткѣ, украшенной брилліантами, съ драгоценными перстнями на пальцахъ; иной же разъ, одѣтый бѣдно и неопрятно, онъ сидитъ, съ простою трубкою во рту, между работниками или слугами, трактуетъ съ секретарями о важныхъ дѣлахъ, среди шума мастеровыхъ. За столомъ у него раскидано золото, серебро, хрусталь и фарфоръ, но токмо для вида, а не для употребленія; часть его прислуги одѣта богато, а другая служитъ въ замаранномъ и оборванномъ платьѣ; пажы его, блестящіе золотомъ, часто не имѣютъ рубахъ и у всякаго приходящаго просятъ милостыню. Гостей угощаетъ онъ самъ и очень щедро, но неопрятно. Наливши имъ по большому стакану лучшаго кюрасо, онъ потомъ руками отламываетъ часть баранины и кладетъ оную часть на тарелку также руками. Ежели за столомъ который-нибудь изъ слугъ ошибется и сдѣлаетъ не то, что ему приказано, то онъ выходитъ изъ себя, забываетъ всякую благопристойность, ругается, дерется, а часто и казнить. Однимъ словомъ, на каждомъ шагу и по всѣмъ поступкамъ Али-Паши, всякій узнаетъ въ немъ не верховнаго визиря, а лютаго арнаута“.

Авторъ заканчиваетъ свою негодующую характеристику слѣдующими патетическими строками: „Онъ не токмо не стыдится гнусныхъ своихъ дѣлъ, но и хвастаетъ ими повторяя: „Я хочу, чтобы меня боялись, а не любили“. Онъ также утверждаетъ, что, дабы царствовать мудро, надобно только золото, порохъ и дубину“.

„Подвиги сего изверга, соединяющаго въ себѣ лицемерство и жестокость Тиверія, развратъ и кровожадность Калигулы, мало извѣстны въ Европѣ, но время откроетъ всѣ невѣроятныя его злодѣянія. Нѣсколько тысячъ несчастныхъ чадъ Сулліи, Химары, Боссиграда, Новиць, Превезы, Парги, Кардики, мученически имъ погубленныхъ, вопіютъ къ небесамъ“!

„Нельзя не удивляться, какъ никто до сихъ поръ не покусился на жизнь челоуѣка, столь ненавистнаго не токмо рабамъ его и сосѣдямъ, но даже и ближайшимъ родственникамъ. Одинъ ужасъ, коимъ онъ всѣхъ поразилъ, можетъ это объяснить, а

потому бѣдствія, происходящія отъ подобныхъ закостенѣлыхъ въ преступленіяхъ деспотовъ, не столько велики въ отношеніи опустошеній, ими причиняемыхъ, какъ ради развращенія, прививаемаго ими цѣлому современному имъ поколѣнію“.

Али-Паша кончилъ жизнь вскорѣ послѣ возстанія грековъ противъ турецкаго владычества въ 1820 году. Коварная политика, какую онъ искусно велъ болѣе 40 лѣтъ, не оправдалась въ концѣ его жизни. Онъ не заключилъ союза съ греками, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ, но, пользуясь смутой, возсталъ противъ султана. Турція, по окончаніи войны, обратила на него всѣ свои силы.

Оставленный своимъ войскомъ, Али-Паша долженъ былъ съ 50 тѣлохранителями запереться въ башнѣ Янинской крѣпости, куда, какъ полагали, свезъ всѣ свои несмѣтныя богатства. Онъ сначала угрожалъ туркамъ взорвать себя на воздухъ, но, послѣ долгихъ переговоровъ, послѣдовалъ измѣническому совѣту одной изъ женъ своихъ и предалъ себя великодушію султана. Отъ султана получено было повелѣніе умертвить плѣнника. Начальникъ Морей Мехмедъ-Паша взялъ на себя исполненіе приговора. 5-го февраля 1822 года явился онъ къ Али-Пашѣ, имѣлъ съ нимъ весьма продолжительный разговоръ. Найдя благопріятную минуту, Мехмедъ-Паша вонзилъ собесѣднику кинжалъ въ лѣвый бокъ; въ ту же минуту вошла стража и сняла голову съ мятежника.

Голова была отправлена въ Царьградъ и выставлена на Серальскихъ воротахъ; привезшій ее паша получилъ отъ султана 40 тысячъ піастровъ. Въ Янинѣ нашли только 25 милліоновъ изъ несмѣтной казны Али-Паши, прочія сокровища не были отысканы.

Къ такому представителю оттоманскаго правительства, типу полу-разбойника и полу-владѣтельнаго князя, считавшему себя полновластнымъ хозяиномъ на матеромъ берегу и только-что, подъ предлогомъ освобожденія отъ власти французовъ, устроившимъ кровавую баню среди греческаго населенія г. Превезы, отправляется, по порученію адмирала Ушакова, молодой русскій лейтенантъ, въ сопровожденіи султанскаго комиссара при соединенной эскадрѣ Калфоглу.

Данное ему при первой повѣздкѣ порученіе излагалось въ письмѣ Ушакова къ Али-Пашѣ, написанномъ на греческомъ языкѣ. Разсказъ г. Метаксы о повѣздкѣ красоченъ и живъ и приводится въ подлинникѣ.

„Жители города Парги прислали ко мнѣ (писалъ адмиралъ Ушаковъ) своихъ депутатовъ, прося отъ союзныхъ эскадръ помощи и защиты противу покушеній вашихъ ихъ поработить. Ваше превосходительство угрожаете имъ тѣми же бѣдствіями, которыя нанесли войска ваши несчастнымъ жителямъ Превезы“.

„Я обязаннымъ себя нахожу защищать ихъ, потому что они, поднявъ на стѣнахъ своихъ флаги соединенныхъ эскадръ, объявили себя тѣмъ подъ защиту союзныхъ Имперій. Я съ общаго согласія турецкаго адмирала Кадыръ-Бея, товарища моего, посылаю къ нимъ отрядъ морскихъ солдатъ съ частью турецкихъ войскъ, нѣсколько орудій и военное судно“.

„Узналъ я также, къ крайнему моему негодованію, что, при штурмованіи войсками вашего превосходительства города Превезы, вы заплонили пребывавшаго тамъ Россійскаго консула, маіора Ламброса, котораго содержите въ галерѣ вашей, скованнаго въ желѣзахъ. Я требую отъ васъ настоятельно, чтобы вы чиновника сего освободили немедленно и передали его посылаемому отъ меня къ вашему превосходительству лейтенанту Метаксѣ, въ противномъ же случаѣ, я отправлю нарочнаго курьера въ Константинополь и извѣщу его султанское величество о непріязненныхъ вашихъ поступкахъ и доведу оныя также до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества Всемилоствѣйшаго моего Государя“.

„Имѣю честь быть и проч.

Подписано—Ушаковъ

„29“ Октября 1798 года.

Корабль Св. Павелъ на рейдѣ
при С.-Маврѣ“.

„Скользкое сіе препорученіе, данное мнѣ только по знанію мною греческаго языка, не мало меня озадачивало. Путешествіе около всего земного шара показалось бы мнѣ съ меньшими опасностями сопряженнымъ, нежели поѣздка, столь близкая, для переговоровъ съ человѣкомъ, каковъ былъ Али-Паша. Послѣднія происшествія въ Превезѣ, поразивши воображеніе всѣхъ, были причиною, что на эскадрѣ нашей объ иномъ не говорили, какъ о лютomъ нравѣ и о кровавыхъ подвигахъ турецкаго Пугачева. Чрезмѣрная моя молодость и неопытность въ дѣлахъ (особенно такого рода) заставили бы меня можетъ быть желать уступить опасность и славу сего препорученія другому, ежели бы не данъ былъ мнѣ адмираломъ опытный и умный товарищъ.

Я былъ сопровождаемъ каймакамомъ Калфоглу, который, по должности своего военного комиссара при Россійскомъ адмиралѣ, имѣлъ снестись съ Али-Пашей относительно продовольствія эскадръ. Онъ взялъ съ собою султанскій фирманъ, по сему предмету послѣдовавшей, и мы пустились въ путь на адмиральскомъ катерѣ. Жители С.-Мавры ¹⁾ проложили намъ фарватеръ на нѣкоторое разстояніе по каналу двумя рядами прутьевъ, по причинѣ мелководья, простирающагося отъ крѣпости С.-Мавры до Акарнанійскаго берега.

Приближаясь къ устьямъ Превезскаго залива ²⁾ и разговаривая съ товарищемъ моимъ о происшествіяхъ, коихъ страны сія были свидѣтелями, мы вспомнили, что на водахъ сихъ рѣшена была нѣкогда судьба Римской Имперіи побѣдою, одержанною Августомъ надъ Антоніемъ при Акціумѣ, нынѣ же, т.-е. двѣнадцать столѣтій спустя, россияне въ самыхъ тѣхъ же мѣстахъ полагали основаніе новой греческой республикѣ ³⁾, имѣя союзниками турокъ, владѣющихъ остатками только славныхъ древнихъ республикъ, турокъ, истребившихъ владычество гордыхъ римлянъ на востокѣ. Сколь превратно благоденствіе и самое бытіе царствъ! Сколь непостоянны союзы и вражды между народами!.. Намъ представлялся образъ трепещущей, несчастной и прелестной Клеопатры, ищущей спасенія на галерѣ, въ сопровожденіи слабаго и обожавшаго ее любовника. Октавій, въ память сей побѣды, построилъ близъ Акціума городъ Никополь (градъ побѣды), котораго развалины и теперь еще видимы.

Калфоглу въ семъ краткомъ нашемъ путешествіи далъ мнѣ полное понятіе не только о Али-Пашѣ, но и вообще о положеніи Турецкой Имперіи во всѣхъ ея отношеніяхъ. Ему было тогда около 70 лѣтъ отъ роду, и сѣдины, его покрывавшія, давали ему почтеннѣйшій видъ. Онъ былъ родомъ изъ константинопольскихъ греческихъ дворянъ и съ молодыхъ лѣтъ служилъ почти всегда, по разнымъ должностямъ, при молдавскихъ и валахскихъ государяхъ. Калфоглу говорилъ совершенно по-гречески, по-французски, по-итальянски и по-турецки, имѣлъ

¹⁾ Русско-турецкій флотъ находился въ это время у острова С.-Мавра и осаждалъ французскія укрѣпленія на островѣ. В. И.

²⁾ Нынѣ Артскій заливъ (подъ 39° сѣв. шир.); на сѣверномъ берегу входа въ него стоитъ Превеза, а на южномъ г. Акціумъ, временъ римскаго владычества. В. И.

³⁾ Ушаковъ имѣлъ порученіе ввести государственное устройство на освобожденныхъ Ионическихъ островахъ и учредилъ *Республику Семи Ионическихъ острововъ*. В. И.

обширныя свѣдѣнія, былъ любезенъ въ обществѣ и душевно преданъ русскимъ. Почтенный сей старецъ со слезами вспоминалъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему фельдмаршаломъ П. А. Румянцевымъ-Задунайскимъ, у котораго онъ имѣлъ счастье (говорилъ онъ) находиться въ плѣну нѣсколько мѣсяцевъ.

Около одиннадцати часовъ пристали мы къ Превезѣ. Едва сошли мы на берегъ, какъ поражены были зрѣлищемъ самымъ отвратительнымъ: толпа арнаутовъ ¹⁾ сопровождала связанныхъ волосняными веревками христіанъ разнаго пола и возраста и продавала ихъ проходящимъ за нѣсколько піастровъ. Сіи несчастные простирали къ намъ руки, рыдали и просили насъ выкупить ихъ изъ неволи. Я дотога былъ пораженъ картиною сею, напоминающею истязанія, претерпѣваемыя неграми въ Индіи, что, забывъ, въ какой нахожусь землѣ, выхватилъ веревку у стоявшаго подлѣ меня арнаута и хотѣлъ силою освободить несчастныхъ сихъ мучениковъ, но товарищъ мой сказалъ мнѣ по-французски: „Что вы дѣлаете? Бога ради не трогайте ихъ, мы подвергаемъ себя опасности быть изрубленными сими варварами“!.. Страхъ не уступилъ бы сильному состраданію, коимъ душа моя была объята, но, вспомня, что я имѣлъ порученіе по службѣ, я удовольствовался отдать на выкупъ бѣдныхъ сихъ невольниковъ всѣ деньги, кои были со мною, и продолжалъ путь въ горестной задумчивости.

Когда мы подошли къ дому, занимаемому Али-Пашею и принадлежавшему прежде французскому консулу де-Ласалю, съ прочими его соотчичами тутъ погибшему, намъ представилось другое зрѣлище, еще ужаснѣйшее прежняго: по сторонамъ большой лѣстницы дома сего, поставлены были пирамидально, на подобіе ядеръ предъ арсеналами, человѣческія головы, служившія трофеями жестокому побѣдителю злополучной Превезы. Кто не видалъ обогрѣнной кровью отрубленной человѣческой головы съ открытыми глазами, тотъ не можетъ представить себѣ, какимъ ощущеніямъ предалась душа моя при домѣ Али-Паши!

Пораженное мое воображеніе было увлечено столь далеко, что мнѣ казалось, что я слышу стоны и вопли неодушевленныхъ сихъ головъ, призывавшихъ мечь и состраданіе. На третьей ступени несносный смрадъ, присоединяясь къ ужасу, столь сильно подѣйствовали надъ растроганными чувствами моими, что я принужденъ былъ остановиться. Мнѣ сдѣлалось дурно, я сѣлъ, былъ объятъ холоднымъ потомъ, и внезапное

¹⁾ Арнауты суть албанцы магометанскаго исповѣданія. М.

волненіе желчи причинило мнѣ сильную рвоту, избавившую меня отъ тяжелой болѣзни, а можетъ быть и отъ самой смерти. Между тѣмъ толпа арнаутовъ и турокъ, окруживши лѣстницу и пашинскій домъ, смотрѣли на меня свирѣпо, не постигая, какъ невинно пролитая кровь нѣсколькихъ сотъ христіанъ можетъ возбуждать толикое состраданіе въ сердцѣ посторонняго чело-вѣка. Почтенный Калфоглу поддерживалъ меня и приказалъ подать мнѣ воды; освѣжась оною, я продолжалъ путь, и мы вошли въ вертепъ кровожаднаго Али-Паши.

Его не было дома, онъ дѣлалъ смотръ конницѣ своей, находившейся въ лагерѣ, разстояніемъ отъ города верстахъ въ трехъ. Я имѣлъ время отдохнуть, собраться съ духомъ и приготовить себя къ свиданію, столь для меня мало пріятному. Черезъ полчаса пушечные и ружейные выстрѣлы, топотъ конницы, звукъ литавръ и трубъ возвѣстили возвращеніе Али изъ лагеря. Во все сіе время три чиновника пашинскіе занимали насъ въ передней комнатѣ разными вопросами касательно плаванія нашего изъ Константинополя и острововъ, нами отъ французовъ освобожденныхъ.

Съ четверть часа спустя послѣ прибытія паши съ задняго маленькаго крыльца, означенные чиновники повели насъ въ угольную комнату, которая была обита наскоро разными парчами и убрана малиновымъ бархатомъ. Али-Паша сидѣлъ на диванѣ, держа въ одной рукѣ трубку, а въ другой четки дорогой цѣны. Онъ былъ одѣтъ весьма богато: пуговицы, покрывавшія его зеленую бархатную куртку, были брилліантовыя, кинжалъ также осыпанъ крупными драгоцѣнными каменьями, накинутая на него шуба была изъ черныхъ соболей, а голова обвита зеленою шалью. Али-Паша средняго роста, довольно плотенъ и лѣтъ около пятидесяти¹⁾; большіе его глаза каштановаго цвѣта сверкали какъ огонь и были въ безпрестанномъ движеніи; лицо у него круглое, черты правильныя, усы и борода темно-русые и румянецъ во всю щеку.

Я сдѣлалъ ему обыкновенный поклонъ и вручилъ письмо, сказавъ по-гречески:

„Адмиралъ Ушаковъ, находящійся теперь въ С.-Маврѣ и командующій соединенными Россійскою и Турецкою эскадрами, послалъ меня къ вашему превосходительству пожелать вамъ

¹⁾ Надо понимать, что Али-Пашѣ по внѣшнему виду можно было дать около 50-ти лѣтъ; въ дѣйствительности въ это время ему было 58 лѣтъ.

здравія. Я имѣю также приказаніе вручить вамъ сіе письмо и требовать на оное отвѣтъ“.

Али-Паша привсталъ, принялъ отъ меня письмо и сказалъ: „Добро пожаловать“. Д. Калфоглу, по турецкому обряду, поцѣловалъ его полу и сталъ передъ нимъ на колѣна. По стѣнамъ комнаты стояло нѣсколько араповъ и арнаутовъ, всѣ вооруженные и весьма богато одѣтые. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ подалъ мнѣ большія кресла, обитыя малиновымъ бархатомъ, я сѣлъ рядомъ съ товарищемъ моимъ Калфоглу, который на турецкомъ языкѣ изложилъ причины нашего пріѣзда. Али-Паша отвѣчалъ ему нѣсколько словъ также по-турецки, потомъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ по-гречески о здоровьѣ адмирала, и тотъ ли это Ушаковъ, который разбилъ въ Черномъ морѣ славнаго мореходца Сеидъ-Али ¹⁾.

Я отвѣчалъ, что тотъ самый, что онъ же разбилъ при Хаджибеѣ самого Гассана-пашу ²⁾, взялъ въ плѣнъ 80 пушечное судно и сжегъ пашинскій корабль.

„Вашъ Государь“, присовокупилъ Али-Паша, „зналъ кого сюда послать! А сколько адмиралу вашему лѣтъ“?—„Пятьдесятъ семь“ ³⁾. „Такъ онъ гораздо старѣе меня“, сказалъ Али-Паша. „Вашему превосходительству“, отвѣчалъ я, „не можно дать болѣе сорока лѣтъ, вы еще молодцы“! „Нѣтъ! мнѣ сорокъ шесть лѣтъ“, прибавилъ Али, съ видомъ удовольствія.

Послѣ сего краткаго разговора онъ распечаталъ письмо адмирала и просилъ показать ему, гдѣ его подпись; я привсталъ и показалъ ему оную. Потомъ позвалъ онъ одного изъ своихъ секретарей (изъ грековъ), которому и отдалъ письмо, сказавъ

¹⁾ Сеидъ-Али или Саидъ-Али, алжирскій паша, славившійся въ концѣ XVIII вѣка въ Средиземномъ морѣ своей необыкновенной предприимчивостью и храбростью.—Турція, теряя надежду одолѣть Ушакова на Черномъ морѣ, вызывала Саидъ-Али въ 1791 году на помощь турецкому флоту.—Но послѣдній былъ окончательно разбитъ Ушаковымъ при Калиакрин, и алжирскій мореходецъ едва успѣлъ убѣжать съ своимъ кораблемъ къ Константинополю, куда обѣщалъ привести „Ушака-пашу“ въ цѣляхъ.
В. И.

²⁾ Нужно читать—Гуссейна, турецкаго капуданъ-пашу (генераль-адмирала).—Въ бою 29-го августа 1790 г. у Гаджибея Ушаковъ разбилъ его флотъ, при чемъ одно судно, „Капитаніе“ (адмиральское) сжегъ, а другое—„Мелеки Бахри“ взялъ въ плѣнъ.—Съ Гассанъ-пашей, выдающимся турецкимъ адмираломъ и предшественникомъ Гуссейна, Ушаковъ побѣдоносно сражался въ 1788 г. у острова Фидониси.
В. И.

³⁾ Ушакову было 53 года. Въ этомъ діалогѣ собесѣдники не имѣли въ виду точно опредѣлить годы.
В. И.

ему что-то по-албански. Намъ подали трубки и кофе въ золотыхъ чашкахъ.

Али-Паша вступилъ въ разговоръ съ товарищемъ моимъ Калфоглу вынулъ изъ-за пазухи султанскій фирманъ и вручилъ ему оный; онъ улыбнулся, подержалъ его нѣсколько времени въ рукахъ, посмотрѣлъ на своихъ секретарей и, возвратя фирманъ каймакаму, велѣлъ читать содержаніе вслухъ. Г. Калфоглу началъ читать фирманъ, а паша подозвалъ въ сіе время одного изъ предстоящихъ арнаутовъ, которому приказалъ (какъ мы то послѣ узнали) угостить насъ обѣдомъ въ назначенной имъ комнатѣ; что же касалось до султанскаго фирмана, то онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на чтеніе онаго и не далъ никакого удовлетворительнаго отвѣта военному комиссару Оттоманской Порты. Послѣ сего вошелъ секретарь и сталъ подлѣ него на колѣна. Али-Паша нагнулся къ нему, а сей на ухо прошепталъ ему по-албански переводъ съ письма, мною привезеннаго.

Али-Паша выслушалъ секретаря своего съ большимъ вниманіемъ и потомъ сказалъ мнѣ, усмѣхнувшись: „Жаль, что адмиралъ Ушаковъ не знаетъ меня такъ, какъ бы долженъ знать! Онъ добрый человѣкъ, но вѣритъ всякимъ бродягамъ, преданнымъ французамъ и дѣйствующимъ токмо ко вреду султана и Россіи“.

Я ему отвѣчалъ, что адмиралъ не руководствуется ни чьими доносами, а выполняетъ токмо повелѣнія Государя Императора и султана, его союзника, что онъ не можетъ не сознаться самъ въ истинѣ всего того, что заключается въ письмѣ адмирала Ушакова...

— „Хорошо“, сказалъ Али-Паша, прервавъ мою рѣчь, „я съ вами поговорю уже обо всемъ наединѣ“.

Послѣ сего посадилъ онъ меня рядомъ съ собою на диванѣ; тутъ произошелъ между нами слѣдующій разговоръ:

— Какъ вы называетесь?

— Я называюсь Метакса.

— Вы должны быть, ежели не ошибаюсь, уроженецъ острова Цефалоніи?

— Мой отецъ родомъ изъ Цефалоніи, а я родился на островѣ Кандіи.

— Какъ же вы попали въ Россію.

— Насъ трое братьевъ: отецъ отправилъ насъ въ разныя времена въ Россію, гдѣ мы и были воспитаны. Императрица Екатерина II щедротами своими основала въ Санктъ-Петербур-

бургѣ корпусъ для воспитанія 200 чужестранныхъ единовѣрцевъ. Мы такъ, какъ и большая часть соотчичей нашихъ, по окончаніи нашего образованія, остались въ Россіи и вступили въ Россійскую службу.

— Какое жалованье получаете вы?

-- Въ моемъ чинѣ получаютъ 300 рублей въ годъ, а когда бываемъ въ походѣ, намъ выдаются сверхъ жалованья еще столовые деньги; впрочемъ, никто не служитъ Императору изъ-за денегъ, а единственно изъ усердія и благодарности.

— Рейзы, управляющіе моими купеческими кораблями, получаютъ отъ меня до 5.000 піастровъ...

— Вѣрю очень вашему превосходительству, но коммерческіе обороты и военная служба суть двѣ вещи совсѣмъ разныя.

— Почему?

— Рейзы ваши ищутъ корысти и добычъ, а мы славы и случая положить жизнь нашу за Государя (слышите ли? говорилъ Али предстоявшимъ). Быть можетъ, что шкипера ваши болѣе имѣютъ доходовъ, нежели самъ адмиралъ Ушаковъ, но зато они цѣлуютъ вашу полу, стоятъ передъ вами на колѣняхъ, а я, простой лейтенантъ, сижу рядомъ съ визиремъ Али на одномъ диванѣ, и сей почести обязанъ я токмо мундиру россійскому, который имѣю счастье носить.

Али-Паша, слушавшій меня очень внимательно, захохоталъ, потрепалъ по плечу и прибавилъ: „Намъ много надобно будетъ съ тобою говорить“! Потомъ вставъ сказалъ онъ мнѣ и Калфоглу: „Ну! ступайте кушать. Вы, франки, обѣдаете въ полдень, а мы въ 9 часовъ. Я пойду на верхъ отдыхать, а Васъ позову послѣ, дамъ Вамъ отвѣтъ и отпущу Васъ домой“.

Чиновникъ пашинскій повелъ насъ въ другую комнату, гдѣ на полу, подлѣ маленькаго дивана, поставленъ былъ на скамейкѣ оловянный круглый столикъ въ полтора аршина въ діаметрѣ, на которомъ лежали хлѣбъ, двѣ роговые ложки и одна серебряная вилка. Я сѣлъ на диванъ, а товарищъ мой противъ меня на полу, обитомъ ковромъ: нѣсколько араповъ стояли за нами, и каждый изъ нихъ держалъ по оловянному покрытому блюду. Длинное кисейное полотенце служило намъ обоимъ вмѣсто салфетки. Арапы начали насъ угощать: прежде подали обыкновенный турецкій супъ (чорба), но ничего не могъ взять въ ротъ, разстроены будучи кровавыми украшеніями пашинской лѣтницы, которую я все видѣлъ предъ собою.

Менѣе нежели въ полчаса подали намъ около тридцати блюдъ, одно послѣ другого, и мы, слѣдуя азіатскому обычаю, должны были отвѣдать или по крайней мѣрѣ брать всякаго кушанья. Первое и послѣднее блюдо, именуемое *пиллафъ*¹⁾, служить для насыщенія желудка, а прочія для однихъ только губъ. Кружка воды была единственнымъ напиткомъ во весь обѣдъ. У турокъ подаютъ фрукты, варенья и конфеты въ бесѣдахъ, а за столомъ никогда. Потомъ подчивали насъ умываніемъ, трубкою и кофеемъ.

Послѣ обѣда Али-Паша позвалъ одного моего товарища, а меня обступили его любимцы, удивлявшіеся скромному моему обмундированію, состоявшему изъ одной форменной шпаги, шляпы и трости. Примѣтя между окружавшими меня секретаря, переводившаго доставленное мною Али-Пашѣ письмо, я спросилъ его, гдѣ содержится консулъ нашъ Ламбросъ, но онъ не далъ мнѣ никакого отвѣта. Наскуча обществомъ симъ, пошелъ я на пристань къ катеру, спросить, накормлены ли наши гребцы, а болѣе для того, чтобы узнать, не причинена ли имъ какая-нибудь наглость лютыми арнаутами. Гребцы были сытѣе насъ: имъ, по приказанію паши, принесены были два жареные барана, хлѣбъ, сыръ и ведро вина. Люди наши не выходили вовсе на берегъ, а стояли на дрекѣ подъ тентомъ²⁾.

На возвратномъ пути къ пашинскому дому, окруженному всегда вооруженною и многочисленною стражею, зашелъ я по дорогѣ посмотреть соборную церковь св. Харалампія, гдѣ стояла отборная конница Али-Паши, но едва я успѣлъ перекреститься, какъ прислалъ онъ за мною арапа, и меня привели вверху, гдѣ была пашинская обсерваторія. Вошедши въ маленькую комнату, служащую мѣстомъ отдохновенія Али, нашелъ я его переодѣтаго въ домашнее платье, съ одною токмо красною шапкою на головѣ; онъ занимался разсматриваніемъ завоеваннаго имъ у французскаго консула телескопа: пробовалъ его, поворачивалъ во всѣ стороны и, не умѣя обходиться съ онымъ, сердился на слугъ своихъ, думая, что они, конечно, его испортили, перенося съ одного мѣста на другое, однако же мнѣ казалось, что телескопъ былъ во всей исправности.

Али-Пашѣ было пересказано все то, что со мною происходило на лѣстницѣ. Какъ скоро я вошелъ въ комнату, онъ мнѣ

¹⁾ Оно составлено изъ рису, съ мелко крошенными кусками баранины и любимо всѣми восточными народами. М.

²⁾ Палатка на суднѣ. М.

сказалъ: „Ты худо обѣдалъ, знаю отъ чего, знаю все,—но я тутъ совсѣмъ не виноватъ. Превезяне сами навлекли на себя гнѣвъ мой, дѣйствуя заодно съ французами“. Я ему ничего не отвѣчалъ; онъ бросилъ телескопъ, посадилъ меня подлѣ себя на диванъ, принялъ вдругъ суровый видъ и прибавилъ: „адмиралъ вашъ худо знаетъ Али-Пашу и вмѣшивается не въ свои дѣла. Я имѣю фирманъ отъ Порты, коимъ предписывается мнѣ завладѣть Превезою, Паргою, Вонцою и Бутринтомъ. Земли сіе составляютъ часть матераго берега, мнѣ подвластнаго. Онъ адмиралъ, и ему предоставлено завоеваніе однихъ острововъ... Какое ему дѣло до матераго берега? Я самъ визирь ¹⁾ султана Селима и владѣю нѣсколькими его областями. Я ему одному обязанъ отчетомъ въ моихъ дѣяніяхъ, и никому другому не подчиненъ. Я могъ, да и хотѣлъ было, занять островъ С.-Мавру, отстоящій отъ меня на ружейный выстрѣлъ, но, увидя приближеніе союзныхъ флотовъ, я отступилъ,—а вашъ адмиралъ не допускаетъ меня овладѣть Паргою!.. что онъ думаетъ“?

— Вашему превосходительству, — отвѣчалъ я, стоитъ только отписать обо всемъ къ адмиралу Ушакову и сообщить ему копію ²⁾ съ султанскаго фирмана, онъ, конечно, сообразится съ данными въ ономъ предписаніями. Адмиралу нашему вовсе не извѣстны повелѣнія, кои Вы имѣете касательно матераго берега.

— Я никому не обязанъ сообщать султанскіе фирманы, возразилъ Али-Паша, не для того, чтобы я чего-нибудь страшился,—я страха не знаю, но я не хочу поссорить турокъ съ русскими. Мнѣ отъ этого пользы никакой не будетъ; адмиралъ Ушаковъ напрасно меня огорчаетъ. Знайте, что онъ во сто кратъ болѣе будетъ имѣть надобности во мнѣ, нежели я въ немъ. Я вамъ это говорю...

— Повѣрьте, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я, что адмиралъ Ушаковъ не ищетъ сдѣлать Вамъ ни малѣйшаго оскорбленія, напротивъ того онъ желаетъ снискать дружбу Вашу; но поступка Вашего съ консуломъ Ламбросомъ онъ терпѣть не можетъ и не долженъ.

— Ламбросъ, возразилъ Али-Паша съ гнѣвомъ, виноватъ

¹⁾ Али-Паша не имѣлъ еще тогда знанія визиря, но онъ охотно присваивалъ себѣ уже сіе высокое достоинство. *М.*

²⁾ Метакса дипломатично уличаетъ ложь паши относительно султанскаго фирмана, котораго у Али, конечно, не было. Въ посѣдующей репликѣ тотъ не менѣе ловко вывертывается изъ затруднительнаго положенія. *В. И.*

кругомъ! Онъ зналъ давно, что я предпринималъ покореніе Превезы. Зачѣмъ не убрался онъ на острова?.. нѣтъ! онъ остался вмѣсто того здѣсь, онъ давалъ совѣты французамъ и приверженцамъ ихъ противъ меня! Въ домѣ Ламброса злодѣи мои, а именно Христаки, производили всѣ совѣщанія и переговоры съ французами.—Ламбросъ измѣнникъ, онъ не достоинъ ни вашего покровительства, ни моей пощады!..

— Можетъ быть непріатели Ламброса обнесли его предъ Вами напрасно. Какая ему польза брать сторону французовъ противу вашего превосходительства? Онъ, какъ и всѣ консулы наши, имѣлъ офиціальное извѣщеніе о войнѣ противу французовъ и о тѣсномъ союзѣ между Россією и Турцією; онъ предувѣдомленъ также былъ о прибытіи къ симъ берегамъ соединенныхъ эскадръ. Зачѣмъ было ему уѣзжать? Онъ оставался здѣсь, въ полномъ увѣреніи, что уваженъ будетъ яко чиновникъ, принадлежащій дружественной съ Портою державѣ, а вмѣсто того его ограбили, обругали и онъ, скованный въ цѣпяхъ, сидитъ по сей часъ на галерѣ. Сей постунокъ оскорбляетъ лично Государя Императора и всю Россію. Ваше превосходительство поведеніемъ симъ доказываете явно непріязнь Вашу ко всѣмъ русскимъ вообще.

— Неправда! Я русскихъ очень люблю, я уважаю храбрый сей народъ, отвѣчалъ Али-Паша. — Вашему князю Потемкину имѣлъ я случай оказывать важныя услуги.—Вотъ былъ человекъ! Онъ умѣлъ цѣнить меня. Во всѣхъ письмахъ своихъ объяснялся со мною, какъ съ искреннимъ своимъ другомъ. Я получалъ отъ него драгоцѣннѣйшіе подарки, жаль, что нѣтъ ихъ теперь со мною, я бы тебѣ показалъ! О! Потемкинъ былъ великій, необыкновенный человекъ! Онъ зналъ людей, зналъ, какъ съ кѣмъ обходиться. Ежели бы онъ былъ живъ теперь, вашъ адмиралъ, иначе бы поступалъ со мною ¹⁾).

— Будьте увѣрены, что и князь Потемкинъ принялъ бы такое же участіе въ російскомъ консулѣ, какое принимаетъ теперь адмиралъ Ушаковъ. Консулъ не есть частное лицо:

¹⁾ Покойный князь Потемкинъ-Таврической былъ, конечно, одаренъ необыкновенными качествами, но здѣсь корыстолюбивый Али похвалы свои основывалъ токмо на полученныхъ отъ свѣтлѣйшаго князя подаркахъ. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ дать почувствовать, что отъ адмирала Ушакова зависѣло бы сдѣлаться также великимъ человекомъ. Впослѣдствіи видно будетъ, что Ушаковъ не пренебрегъ внушеній алчнаго Али, но подарки имѣли цѣлью токмо пользу службы Государя Императора

онъ довѣренная особа Государя и принадлежитъ цѣлой Россіи; кто его оскорбитъ, тотъ оскорбляетъ всѣхъ русскихъ.

— Очень хорошо! я велю его освободить. Быть такъ! но адмиралъ Ушаковъ долженъ отступить отъ Парги и не вмѣшиваться въ мои дѣла.

— Онъ этого сдѣлать не можетъ, не подвергая себя гнѣву Императора: онъ обязанъ защитить паргіотовъ; они не были никогда подвластны Оттоманской Портѣ. Отъ Венеціи перешли они къ французамъ; сіи ихъ оставили, и Парга предала себя великодушію союзныхъ имперій, на стѣнахъ же своихъ подняла флаги соединенныхъ эскадръ. Адмиралъ Ушаковъ и товарищъ его Кадыръ-Бей не могутъ не признать ея независимости, послѣ воззваній, ими обнародованныхъ къ жителямъ Іоническихъ острововъ, въ противномъ случаѣ союзные начальники могутъ быть подозрѣваемы въ вѣроломствѣ.

— Я самъ оплошалъ, прервалъ Али-Паша, ежели бы я ускорилъ взятіе Превезы пятью днями, то и Парга была бы теперь въ моихъ рукахъ. Я не посмотрѣлъ бы на неприступность ея горъ и атаковалъ бы оныя также съ моря.

— Ваше Превосходительство сильно разгнѣваны на паргіотовъ.

— И имѣю на то важныя причины,—отвѣтствовалъ Али-Паша, они причиняютъ величайшее зло мнѣ и султану. Они укрываютъ моихъ злодѣевъ, моихъ ослушниковъ; они пособляютъ во всемъ бунтовщикамъ сулліотамъ, доставляютъ имъ порохъ и всякіе снаряды.—Парга есть разбойническое гнѣздо, въ немъ составляются всѣ заговоры противъ меня;... я не пожалѣлъ бы *двадцати тысячъ венеціанскихъ червонныхъ* и готовъ заплатить ихъ сейчасъ тому, который уговоритъ адмирала Ушакова отступить отъ Парги... (смягчивъ голосъ). Скажи мнѣ откровенно, кто у него всѣмъ ворочаетъ, кто его первый любимецъ?..

— Адмиралъ нашъ всѣхъ равно любитъ,—отвѣчалъ я, а отличаетъ особенно тѣхъ, которые болѣе усердствуютъ къ службѣ Государя Императора. Впрочемъ, я могу увѣрить ваше превосходительство честью моею, что ни одинъ чиновникъ русскій ни за какія деньги не приметъ на себя исполненія такого препорученія, и адмирала Ушакова никто въ свѣтѣ не уговоритъ сдѣлать поступокъ, противный даннымъ ему инструкціямъ.

— Что же поэтому мнѣ дѣлать?.. дай мнѣ совѣтъ!

— Я не смѣю совѣтовать вашему превосходительству. Чинъ и лѣта мои того мнѣ не дозволяютъ. Вы славитесь

вашимъ умомъ, вашею прозорливостью и безъ сомнѣнія не захотите за Паргу поссориться съ Россійскимъ Императоромъ и черезъ то впасть въ немилость у султана; вы не захотите принудить насъ сражаться противу вашихъ войскъ, чѣмъ навлечете на себя неминуемо мщеніе грековъ и вообще всѣхъ христіанъ, вамъ подвластныхъ. Вашему превосходительству необходимо нужно примириться и сблизиться съ адмираломъ Ушаковымъ.

— Да я готовъ сейчасъ это исполнить! Скажи мнѣ откровенно, какъ мнѣ поступить. Ну! будь ты Али-Паша, что бы ты сдѣлалъ?

— Ежели бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я бы написалъ къ адмиралу Ушакову вѣжливое письмо, въ коемъ изъявилъ бы сожалѣніе мое касательно поступка войскъ моихъ противу консула Ламброса, безъ вѣдома моего будто послѣдовавшаго. Ламброса отправилъ бы я немедленно къ адмиралу, удовлетворивъ его за все то, что у него похищено; потомъ я укротилъ бы гнѣвъ свой, примирился бы съ паргіотами и, въ уваженіе покровительства Россіи, далъ бы повелѣніе войску не причинять имъ впредь никакой обиды. Я увѣренъ, что поведеніемъ симъ вы бы обратили на себя вниманіе даже благосклонность Россійскаго Императора...

— О! да ты требуешь невозможнаго! Ну! какія же войска займутъ Паргу“?

— Россійскія и турецкія. Я полагаю однакожь, что адмиралъ позволитъ вашему превосходительству назначить и съ вашей стороны 12 человекъ рядовыхъ изъ христіанъ, которые будутъ составлять часть султанскаго гарнизона; а между тѣмъ ожидать будетъ рѣшеніе союзныхъ Монарховъ объ участи Парги. Нѣтъ сомнѣнія, что вся сія полоса матераго берега присоединится, на особенныхъ постановленіяхъ, къ турецкимъ владѣніямъ. Оттоманская же Порта предоставитъ управленіе оныхъ вашему превосходительству“.

Али-Паша слушалъ меня со вниманіемъ, былъ, кажется, доволенъ моимъ совѣтомъ и изъявилъ мнѣ благодарность свою въ сильныхъ выраженіяхъ. Потомъ призвалъ онъ любимца своего Махмедъ-Ефендія, съ коимъ онъ долго совѣтовался, и котораго рѣшился онъ отправить съ нами къ адмиралу, уполномочивъ его удовлетворить всѣ его требованія и стараться всѣми силами снискать его благосклонность. Али-Паша обѣщалъ притомъ освободить на другой день утромъ консула Ламброса и отправить его къ намъ.

Онъ болѣе часа говорилъ еще о разныхъ предметахъ, до него лично касавшихся, о великомъ числѣ непріятелей и за-

вистниковъ, коихъ имѣлъ между султанскими министрами и пашами, своими сосѣдями, сколько стоило ему труда и денегъ избавиться отъ нихъ. „Отецъ мой“, прибавилъ онъ, „далъ мнѣ только жизнь, онъ умеръ молодъ, мать меня образовала... я нажилъ все своими трудами, и одному себѣ обязанъ всѣмъ тѣмъ, что имѣю“. Потомъ описывалъ онъ многотрудный свой походъ къ Виддину ¹⁾, стоившій ему нѣсколько милліоновъ. Участокъ, выставленный тогда Али-Пашею противъ бунтовщиковъ, состоялъ изъ 20.000 хорошаго войска; онъ доказывалъ невозможность завладѣть Виддиномъ, не взирая на всѣ усилія капитанъ-паши, и прибавилъ, что осада крѣпости сей стоила султану столько, сколько бы стоить могла самая продолжительная и несчастная война. Разговорясь потомъ о Пасванъ-Оглу, онъ описывалъ его, какъ лучшаго полководца Турецкой имперіи, далъ мнѣ уразумѣть, что ведетъ переписку со многими министрами христіанскихъ дворовъ и что получаетъ всѣ европейскія вѣдомости, которыя ему читаютъ наемные для сего иностранцы.

Али-Паша приглашалъ меня пріѣхать въ столицу его Янину, гдѣ хотѣлъ показать мнѣ неисчерпаемыя свои сокровища; также выхвалялъ построенную имъ крѣпость Тепеленгу. Въ ней хранятся въ подземныхъ погребахъ казна его, несмѣтныя богатства, жизненные припасы и военные снаряды, коими крѣпость можетъ на нѣсколько лѣтъ быть снабжена.

Изъ драгоценныхъ своихъ вещей имѣлъ Али-Паша при себѣ только кинжалъ, подаренный ему французскою директоріею и стоящій по крайней 50.000 ливровъ. Дивизионный генералъ Розъ, командовавшій Превезанскимъ гарнизономъ и войсками, занимавшими матерой берегъ, поднесъ ему кинжалъ сей отъ имени французской республики, которая думала подаркомъ симъ купить дружбу сего коварнаго турка, заключить съ нимъ тѣсный союзъ и воспользоваться вліяніемъ его въ тѣхъ мѣстахъ и содѣйствіемъ войскъ его, для утвержденія французскаго владычества на Востокѣ, обѣщая Али-Пашѣ, взамѣнъ сихъ выгодъ, управленіе всею Европейскою Турціею съ неограниченною властью“...

В. Ильинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Виддинскій паша Пасванъ-Оглу въ началѣ 1798 года взбунтовался противъ султана и усмиреніе его стоило Портѣ большихъ усилій. Виддинъ расположенъ на Дунаѣ, и въ осадѣ его участвовала гребная флотилія турецкаго флота. *В. И.*